

Социализм и демократия непобедимы!

Борьба слова «демократия» имеет лишь одно значение. Они означают — это народ. Если народ обладает всей полнотой власти — это и есть демократия. Такую демократию мы видим в нашем государстве, в свободных республиках Советского Союза.

На одной из подводных лодок Северного флота служил радист Ильичев, молодой учитель из уральского города Невьянска. Когда корабль приходил в базу после долгого боевого похода, — все торопилось за письмами, ожидавшими моряков на берегу. Самая большая почта неизменно ожидала Ильичева.

Тут были бандероли с газетами, приложенными к родному городу, были сложенные треугольниками самодельные конверты, пакеты, запечатанные сургучом, — десятки личных писем и официальных отписок, просьбы, заявления, благодарности за помощь и просто рассказы о том, как живет и чем дышит Невьянск.

Ильичев был депутатом городского Совета.

Отделенный от родного города расстоянием в несколько тысяч километров, занятый трудным делом войны, — он никогда не переставал чувствовать себя хозяином своего города, ответственным и за самый город, и за судьбы живущих в нем людей. Он знал, как выполнять свой план вагоноремонтные мастерские и как жить вдова погибшего под Киевом сержанта Штелина. Он писал в отделе социального обеспечения, сироты и настоящие памятники о том, что непременно нужно обучить к зиме девятилетнюю Свету Хомякову; отправив письмо, уходил на три недели в дальний чужим берегам, был в опасном и жарком бою, а возвратившись, поспешно перебрал письма, ища ответа от соседа или повзвизгивая со старательными каракулями самой Светы.

В заветной тетрадке у него были проекты: что нужно будет сделать в Невьянске после войны, когда он вновь возвратится на родину...

Окружавшие Ильичева товарищи по экипажу не дивились ни обильной почте радиста, ни обилию его заботам. Все понимали, что это в порядке вещей, — так, мол, и должно быть: люди войны и о, сказали человеку доверие, но они и работали. Удивительно и несправедливо было бы, если бы он поступал иначе.

Вероятно, можно было бы отыскать десятки и сотни примеров, подобных этому. Все они кажутся нам обыденными и естественными. Это наш уклад жизни. Различными эти примеры становятся для нас лишь в том случае, если мы зададимся вопросом: — А могло ли быть такое еще в каком-либо государстве, кроме нашего?

— Нет, — с гордостью ответим мы на свой вопрос. — Нет другой страны, в которой с такой безраздельной полнотой чувствовали бы себя трудящиеся хозяевами собственной земли.

И дело тут не только в том частном факте, что в огромном большинстве других стран солдат или матрос вообще не мог бы быть ни избранным народом, ни даже равноправным избирателем. Дело тут в том, что на нашей земле полностью осуществлялось предвидение, высказанное Владимиром Ильичем Лениным на заре существования советской власти. В исторической работе своей «Держат ли большевики государственную власть» Владимир Ильич говорил, что стоит лишь внушить трудящимся уверенность в своих силах, и многое, кажущееся невозможным, «станет осуществимым для сил миллионной массы, начинающей работать на себя, а не на капиталиста, не на барюка, не на чиновника, не из-под палки».

Вот эта-то разубужденная вера в свои силы и принесла нашим людям хозяйские отношения к своему государству, умение широко, государственно мыслить, привычку ощущать свое личное счастье не отделением от общего блага.

Пролетариат, говорил Владимир Ильич Ленин в той же своей работе, «может развить все, что есть угнетательского, рутинного, несправедливо-буржуазного в старом государственном аппарате, поставив на его место свой, новый аппарат. Этот аппарат и есть Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов».

Это осуществлено у нас. И это и есть демократия.

За рубежом нашей страны сейчас в ходу словесная акробатика. Там любят говорить о том, что есть, дескать, наша, советская демократия. А есть еще, мол, какая-то особенная — их, западная демократия.

Юбилейная сессия Академии наук СССР

Завтра, 23 октября, в Москве открывается юбилейная сессия Академии наук СССР, посвященная 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Государственное открытие сессии состоится в Государственном академическом Большом театре.

На заседаниях общего собрания и заседаниях отделений Академии наук СССР виднейшие советские ученые сделают 80 научных докладов по различным отраслям знания. Открывается большая выставка книг, на которой будет представлено около 2,5 тысячи научных трудов из числа вышедших Академией наук СССР за годы советской власти. Здесь будут собраны все основные исследовательские работы, науч-

ные сборники, журналы, материалы научных конференций и совещаний, издания филиалов и баз Академии наук.

В составе Академии сейчас свыше ста институтов, лабораторий, научно-исследовательских станций, обсерваторий, музеев и других научных учреждений.

Академия наук СССР располагает богатейшими книжными фондами. Библиотеки Академии насчитывают свыше 11 миллионов томов научной литературы. В институты и музеи сосредоточены уникальные коллекции исключительной ценности.

Юбилейная сессия Академии наук СССР продлится по 2 ноября.

Памяти великого армянского просветителя

Литературная общественность Еревана готовится широко отметить столетие со дня смерти Хачатура Абовяна — великого армянского писателя-просветителя. Эта дата — 14 апреля 1948 года.

Институт литературы Академии наук Армянской ССР уже выпустил 4-й том полного собрания сочинений Х. Абовяна. В ближайшее время выйдет в производство 3-й том, в котором печатается произведение писателя — «Раны Армении», и до конца года еще два тома — 1-й и 2-й, куда войдет поэзия Х. Абовяна.

Над восьмитомным академическим изданием полного собрания сочинений классика армянской литературы работает группа известных литературоведов, в их числе — доктор филологических наук Ерванд Шахазян.

Обширную выставку, отображающую жизнь, литературно-педагогическую и общественную деятельность Х. Абовяна организует музей при Институте литературы Академии наук Армянской ССР. Перебирается и расширяется дом-музей в родном селе Х. Абовяна — Канакире.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 48 (2368)

Среда, 22 октября 1947 г.

Цена 40 коп.

Макартур и радуга

Марк ДОНСКОЙ

По народной примете, радуга в небо означает конец грома, неомраченную синеву неба, возвращение ясного и светлого дня.

Когда гремели ураганы грозы войны, каждый из советских людей непоколебимо верил в то, что наступит зима, и сверкающая радуга победы возвестит народам неомраченный и ясный мир.

С этой верой, в самые трудные дни войны, когда бои шли на Волге и в предгорьях Кавказа, Вячеслав Васильев написал повесть «Радуга».

С той же верой работал и я над экранной повестью — над фильмом «Радуга».

Темой повести была неукротимая сила духа, живущая в сердцах советских людей, всеполюющая сила любви к родине, победа человека над зверем. Мне радостно было убедиться в том, что эту же тему в полной мере ощутили и зрители, которые смотрели сделанный нашим коллективом фильм. Причем, дошла эта тема до сердца не только советских зрителей, но и до тех многих тысяч и десятков тысяч людей, которые смотрели фильм за рубежом нашей страны и за океаном — в Америке. Об этом рассказывали письма, газетные и журнальные рецензии; об этом рассказывал и тот факт, что фильм в течение двух месяцев кряду шел в крупнейшем кинотеатре Нью-Йорка, делая битковые сборы.

Весь об этом была приятна. Ведь кинематографические бизнесмены Голливуда и Уолл-стрит утверждали, что американский народ требует, во что бы то ни стало, «беззвездного», «развлекательного» зрелища и что язык публицистики в искусстве ему чужд и непонятен.

Оказалось, что это утверждение — клевета и на умственные способности и на уровень художественного вкуса заокеанского массового зрителя. Видимо, дело было не в том, чего он хочет, а в том, чем его пичкают.

И один из кинематографических критиков, писавший в газете «Нью-Йорк таймс», вынужден был сам противопоставить «Радугу» трем американским фильмам, в которых война послужила лишь поводом для обогривания рта... комических ситуаций.

Бизнесмены и войны превратили в «развлекательный, беззвездный материал».

Впрочем, что до беззвездности — это не совсем верно.

Большинство легких музыкальных кинооперет, вышедших в количестве в 1941—1945 гг., и те строились так, что агитировали за вербовку в американскую армию. Американские фильмы того времени если и не объясняли американцу — за что он должен воевать, то по крайней мере стремились убедить в неизбежности самой войны и в необходимости встать за оружие.

Разница между нашим фильмом и американскими фильмами, разрешившими аналогичную задачу, была, однако, в том, что опасность фашизма не казалась нам однойдневной темой, возникшей лишь по столыку, поскольку в те дни нужно было разбудить ярость масс и поддержать их решимость в том, что нужно навсело предостеречь человечество от черной угрозы фашизма; нужно, чтобы никогда не смог этот зверь вновь окрестить, отравить котли и впитать в горло человечеству.

Эту нашу веру разделяли и все заравномыслящие американцы, задумывавшиеся над судьбами мира. В газете «Пост меридиан» критик по поводу нашего фильма говорил:

«Когда после падения Германии замурлыкают поборники заключения мира на льготных условиях, будет хорошо, если широкие слои американцев посмотрят «Радугу»».

Когда фильм вышел на экран, тогдашний посол США в Москве господин Гарриман выразил желание, чтобы экземпляр картины был отправлен в подарок президенту США — Франклину Д. Рузвельту.

Экземпляр был доставлен в посольство и отправлен в Америку с нарочным, на самолете. Вскоре после этого Гарриман прислал мне письмо, которое я привожу полностью:

«Мой дорогой господин Донской! Вам, вероятно, будет интересно знать мнение президента о Вашем фильме «Радуга». Посылаю полученную телеграмму».

Привожу и текст телеграммы Франклина Д. Рузвельта: «В воскресенье в Белом Доме смотрели присланную нам «Радугу». Я пригласил профессора Волена перевести нам, но мы поняли почти все без перевода. Она будет показана американскому народу в сопровождении комментариев Рейнольдса и Томаса. Франклин Рузвельт».

Теплые слова доставили мне радость, и я сказал об этом американскому послу, встретившись с ним на одном из приемов в ВКСе. Господин Гарриман ответил, как бы объясняя отношение президента к нашему фильму:

— Франклин Рузвельт не только великий президент, но и великий поборник мира... Да, делая свой фильм в самом разгаре смертельно трудной войны, мы думали не только о скорой победе в этой войне, но и о завоевании прочного мира.

Слушая американского посла, я верил, что и он думает о том же.

Однако жажда и тогда, когда лилась еще кровь тысяч жертв в застенках гестапо, когда умирали в конульских люди, загнанные в душегубки, когда еще пылали огнем алдских печей Освенцима и Бухенвальда, — были в Америке такие критики, которые упрекали наш фильм за то, что он «лишен синхронности», за то, что ему недостает «любви и милосердия». Об этом писалось в «Уорлд телеграмм» и в «Нью-рипаблик». Но вскоре же «Нью-рипаблик» вынуждена была опубликовать письмо читателя, который разъяснил посетителю критики Мэни Фарбер, что тот, дескать, адресует свою любовь не тому, кому следовало бы...

Среди голосов, тепло приветствовавших появление «Радуги» на американских экранах, раздался и голос, принадлежавший генералу американской армии.

Это был генерал Макартур. Просмотрев фильм, он высказал в печати несколько мыслей, рожденных очевидностью и материальными картинками. Он назвал тогда нашу Красную Армию спасителем цивилизации. Он напоминал, что миллионы советских людей — партизаны,

солдаты, женщины и дети — умирали для того, чтобы могли жить десятки и сотни миллионов других людей, в том числе и те тридцать миллионов американцев, «на нас всех», — говорил тогда Макартур, — лежит обязанность сделать так, чтобы смерть погибших была не напрасной».

Немного времени прошло с того дня, когда генерал высказал эти свои мысли.

Была одержана победа над фашистской Германией и империалистической Японией.

Генерал Макартур стал главнокомандующим оккупационных войск в Японии. Положение, занятое им, ставило его в число тех людей, которым легче всего догадываться, чтобы было осуществлено справедливое стремление — сделать так, чтобы смерть погибших в борьбе не оказалась напрасной.

Однако дела генерала прямо противоречили высказанным им когда-то словам.

Проявлялось это и в большом, и в малом — и в общеполитической линии, наметившей генералом, и в частных мероприятиях, проводимых им.

Недавно генерал Макартур запретил демонстрировать на управленческой территории целий ряд советских художественных фильмов. В их числе названы и «Радуга».

Что же произошло? Изменился ли фильм с той поры, как высказывался о нем в печати достопреступный американский генерал? Или, может быть, изменился сам генерал, как и некоторые другие его уважаемые и высокооставленные соотечественники, проносящиеся теперь совсем иными словами, чем те, которые они проносили три-четыре года назад?

Вот, например, бывший посол Гарриман. Когда-то он латентически говорил о мире, изображал себя единомышленником Рузвельта. Теперь им выдвинута «программа позитивных мер» — четыре тезиса, осуществление которых ведет к новой войне.

Когда-то о мире много и охотно декларировал Джеймс Бернс, бывший государственный секретарь США, а теперь... юрисконсульт объединения кинопромышленников.

Он выступил «обмешит» том своих записок. Называются эти записки «Откровенно говоря», а откровенен в них лишь призыв к войне против Советского Союза...

Что же, может быть, это они — Бернс и Гарриман — изменились?

Режиссер Голливуда в дни войны ставил фильмы с немешкой угрозе и о великолюди доблести нашего народа в борющихся с фашизмом. Теперь им надлежит выполнять установки современной американской внешней политики, и многие из них готовы сострадать, а быть может, уже и стреляют фильмом о «руке Москвы» и о «красной угрозе».

Билли Уайлдер, который поставил премьерный фильм «Потерянный отдых», написал недавно статью. Она выпечатана на русском языке в № 13 журнала «Америк».

Называется эта статья «Новый путь Голливуда».

Одно место в этой статье поистине страшно для художника:

«Компани, производящие фильмы, — спокойно и деловито рассказывает Уайлдер, — состоят из акционеров, которые хотят получать дивиденды. Следовательно, чтобы котироваться на рынке, мы должны делать фильмы, имеющие успех. Мы не можем допустить неограниченного «уход» только для того, чтобы достигнуть художественного предела. Наоборот, мы обязаны сдерживать свои художественные порывы, ибо должны угождать большинству, а не меньшинству».

Тут страшно не только лакейское слово «угождать», произнесенное так привычно.

Еще страшнее, что лакейское это слово проскользнуло в текст не случайно. Оно рождено лакейской психологией — тем, что художник смирялся перед хозяином, а, значит, перестал быть художником. Нельзя ведь, невозможно оставаться художником, «сдерживая свои творческие порывы»!

И о каком большинстве говорит в своей статье Уайлдер? Разве акционеры, мечтающие о больших дивидендах, это есть «большинство» ради которого должен творить художник?

Что же, быть может, Билли Уайлдер, который признал необходимость угождать хозяину, это уже не тот Уайлдер, который сделал «Потерянный отдых»? Может быть, и он переменился?

Нет, дело не в перемене.

Нечаянно или сознательно Билли Уайлдер в своей статье раскрыл основной и единственный импульс творчества голливудских мастеров. Этот импульс рожден не вдохновением, не высоким творческим порывом, не служением идее прогресса. Его рождает заказ хозяина.

Хозяину нужно угождать. Нужно увеличить дивиденды хозяина, — тогда тот щедро заплатит и художнику, который принес ему прибыль.

И поэтому для подлинного большинства, — для миллионов зрителей, для народа, — голливудский мастер склеивает картины, которые орудничают сознание, отвлекают от мыслей, не дают думать.

Мне в мои товарищам пришлось просматривать большое количество американских картин. Вначале мы пытались смотреть их серьезно, надеясь оценить мастерство многих талантливых режиссеров и артистов Голливуда. Но это оказалось невозможным. Досадно становилось при виде того, как талантливые силы неразумно растрачиваются на постановку киночехуи. Все картины похожи одна на другую. Это наводило нас на озорную мысль: склеить фильм из ряда различных американских картин. И что же, — получился еще один фильм, не лучше и не хуже множества виденных прежде. В самом деле, герои и героини этих картин на монтажной «восьмерке» выглядят совсем одинаково. Крушный план: через «его» плечо — «она» через «ее» плечо — «он».

Однаковы погони, страдания, объяснения в любви. Однообразны реплики верчливых стариков, добрых дядюшек-миллионеров, наденных теток и т. д. и т. п. Я легко представляю себе, что американский режиссер, монтируя фильм, может дать заказ в фонотеку: подобрать «лай собак», «шум города», а рядом с этим 25 метров «объяснения в любви» и 15 метров «горя»...

Нет, это уже не шутка. Этому нельзя улыбаться. Это страшно.

Так повелось задолго до войны. То же положение оставалось и в годы войны. Американский фильм о фашистах, с дозированной «любви и милосердия», с «приличной» мерой ненависти, отвечал спросу момента.

Нет, Билли Уайлдер не переменился. Не переменились и Бернс с Гарриманом. Самым собой остался и генерал Макартур. Просто разным, — всегда разным, — было у нас и у них представление о плодах победы.

Мы думали о завоевании прочного мира, а они — о тех же «дивидендах».

Теперь ясно, что, декларируя о мире, мистер Гарриман и тогда уже отдавал под этим будущим миром свободу извлеченную прибылей для американских банков, концернов и трестов.

Глубь мира, о котором любил говорить Джеймс Бернс, нес в своем ключе не оливковую ветвь, но жезл Меркурия.

Жертвы, унесенные войною, были бы не напрасны, по мнению Макартура, лишь в том случае, если бы они открывали Соединенным Штатам путь к приобретению новых колоний.

Вот что крылось уже и тогда за словами Макартура и его единомышленников. Они не изменились. Только слова их стали теперь более откровенными.

Больше того, закрепляя колонии и рынки для американского капитала, американские генералы в мундирах и в пиджаках отнюдь не гнушаются тех же методов, к которым прибегали немецкие и японские захватчики.

Более двадцати тысяч политических заключенных брошены в тюрьмы Южной Кореи, находящейся под эгидой генерала Макартура. В Китае и в Индонезии, в Греции и в Триесте полицейские и военные силы Соединенных Штатов избивают, бросают в тюрьмы, подвергают утонченным пыткам и казням десятки тысяч людей, повинных лишь в том, что они любят свою страну и мечтают сохранить независимость и свободу, чтобы своими руками, на своей земле строить собственное счастье. Палачи бьются с фильмом, в котором была сказана правда о палачах, — вот смысл запрещения американскими властями «Радуги».

В Германии и в Японии американские оккупационные силы заигрывают с недавними столпами фашистского режима и рассматривают вчерашних врагов, как завтрашних союзников по совместной экспансии. И тем и другим явно невыгодна демонстрация фильмов, подобных «Радуге».

Эти фильмы будут память о том, о чем следует помнить сотням тысяч людей, которых поджигает новой войной рассматривая, как пушечное мясо, заготовленное для новой войны.

Как заставишь солдата идти в атаку плечом к плечу с человеком, который, быть может, вчера убил отца этого солдата или его старшего брата. Нет, решает Макартур, не нужно американскому солдату помнить о злодеяниях фашистов.

Тот, кто вчера искал за нашей спиной спасения от смертельной опасности, — нынче стал поджигателем новой войны.

Вот что переменилось в мире. Фильм или книгу Макартур может запретить. Это в его силах.

Однако настоящую, искристую радугу, мостом всташую в небо, никакому американскому генералу «запретить» не дано.

А миллионы людей на земле продолжают верить в непреложность старинной народной приметы: после суровой грозы загорится над ними радуга, предвещница неомраченного, ясного дня.

Мечта об этом живет в каждом честном сердце, и человечество будет добиться исполнения этой страстной мечты во что бы то ни стало и вопреки всем помехам.

П. ШУБИН, А. МЕЖИРОВ

УТРО МИРА

Опять Ссыпает в трюмы элеватор Крупичатое золото земли, Опять С зарей Выходят на фарватер Грузные пшеницы корабли.

Гудак их Отзываются гудками Бесчисленные фабрики Москвы, И лесозавы На холодном Каме, И верфи Комсомольска в Невы.

От Баренцова моря До Памира Верит свой труд Могучая страна, Над ней — как стиг, Под'ято утро мира, Ее зря Прозрачна и ясна.

Но и сегодня В дали штормовые Глядят, не отрываясь, патрули,

И мчатся Катера сторожевые Вдоль побережий Утренной земли.

Страна Советов Дымяку одета, Тах зары, Слокоси сон ребят, Но тысяч Громящих янки Гле-то Над атомными бомбами Корлят.

Упрятаны Под землю их заводы, Бесшумно фабрикующие смерть, И сумрачная Статуя Свободы Не хочет На Америку смотреть.

Ревет вода В осенних океанах, Стальные рыбы Гроются у дна; Лежит валюта В сейфах океанских, До ломаного гроша котена.

Свет зоркий Небоскребов сторонится, Мгла над Нью-Йорком Тлеет и коптит, Ложится На газетные страницы Швышоводный Херстовский петит.

Как выстрели, Трещат ратоницы Над тиражом Фальшивого ляска, И строится Газетные колонки, Как Оккупационные войска.

На что же их Благополывает Трумэн? — Чтоб кровь Потокм хлынула опять? Пустьк план войны Преступен и безумен — Он не перестает существовать!

Но знаем мы, Что с нами Люди Мира — От Гималаев до Кавказских гор, От смежных Кордильеров До Памира, — Народной воли Зреет приговор!

Ревет вода В осеннем океане, Все ярче Разгорается заря И проясняет дали.

Мы — на грани Тридцатилетия Октября!

«СТОРОЖЕВОЙ ПЕС»

Вновь учрежденную балканскую комиссию американские газеты откровенно называют сторожевым песом на Балканах.

Политики за океаном, Решая греческий вопрос, Постановили, что Балканам Необходим дворовый пес.

Как будет этот пес Полкан Стеречь спокойствие Балкан?

Приставлен он не для дозора, А вся его задача в том, Чтоб охранять почного вора И не пускать козлен в дом!

©. МАРШАК.

Литература, озаряющая мир

Т. МОТЫЛЕВА

В Москве идет сейчас итальянский фильм «Рим — открытый город». В нем отразились некоторые характерные черты современного передового демократического искусства.

Фильм кончается трагически. Сначала убит под пытками бесстрашный коммунист Манфред. Потом идет на расстрел священник Пьетро, активно помогавший партизанам. Священник только что был свидетелем героической смерти Манфреда. Он вдохновлен этим примером. Лишь его выражает спокойную решимость. И вдруг владыка, за колечкой проволочки, вырывает стайку обрванных, чумах мальчишек. Они появляются в фильме и раньше. Зритель мог убедиться, что они умеют не только играть в футбол, но и врываться в немецкие цистерны с бензином. Пока идут приготовления к расстрелу, мальчишки тихонько нависают поцарапанным лбом: это — партизанский пароль. Пьетро слышит свист. По лицу его пролетает еле заметная улыбка. С этой улыбкой он встречает смерть.

В такой кощавости есть нечто принципиально важное. «Рим — открытый город» содержит много спорного. Есть тут и дилеттант, и уступки натурализму. Но суть не в этом. Фильм каждым своим кадром остро направлен против буржуазного искусства современного Запада. Местами это отталкивание от буржуазного штампа кажется даже несколько нарочитым. Авторы явно не хотят создать приятное зрелище. Наоборот: они стремятся до конца раскрыть перед зрителем всю горькую, суровую правду жизни. И в то же время фильм по существу оптимистичен. В нем идет речь о сильных, цельных, здоровых человеческих чувствах, о человеческом благородстве и мужестве. В нем идет речь о борьбе, которая, проходя через временные поражения, устремлена к конечной победе. Именно поэтому так важен в конце фильма эпизод с мальчишками. Они напоминают зрителю о том, что жертва, принесенная Манфредом и Пьетро, не напрасна, они олицетворяют будущее.

Было бы бесполезным занятием искать в фильме «Рим — открытый город» прямые заимствования, непосредственные следы подражания советским кинокартинам. Дело не в подражании. Совершенно очевидно, что в этом фильме (как и во всем полнокровном передовом западном искусстве и литературе наших дней) очень серьезно учтен творческий опыт искусства социалистического реализма.

Каждый новый, пусть даже частичный, творческий успех зарубежных демократических художников напоминает нам о всемирном значении советской культуры. В течение тридцати лет вдохновляет и ободряет она своим примером всех честных писателей и художников мира, желающих служить народу.

Развитие советской литературы за тридцать лет оказалось сильнее, чем когда-либо трудно учитываемое — воздействие на литературу и искусство зарубежных стран. Это воздействие проявляется разнообразно.

Октябрьская революция уничтожила на одной шестой части земного шара общественный строй, основанный на эксплуатации и угнетении человека. И она вместе с тем уничтожила на одной шестой части земного шара искусство, враждебное человеку. Она принесла смертельные удары русскому декадансу. Она основательно подорвала авторитет его западных учителей и вдохновителей. Советская литература во главе с Горьким безжалостно развенчала кумира — болезненно извращенного, усталое искусство империалистической эпохи. Тем самым она оказала громадное оздоровляющее действие на художественную жизнь всего мира: она укрепила во всем мире позиции правды, реалистического, содержательного искусства.

Но советская литература не только помогла передовым зарубежным художникам сохранить в искусстве своих стран некоторые из тех здоровых реалистических традиций, которые заглушались и подавлялись декадентствующими эстетам. Гораздо важнее другое: она помогла лучшим творческим людям Запада заложить у себя в странах основы реализма нового типа. Упадок западного искусства в империалистическую эпоху был отчасти следствием тех глубоких противоречий, которые были заложены в самой сути буржуазного критического реализма. Жесткая, унижающая проза буржуазного бытия, несомнимость идеала и действительности — все это многократно сводилось в тупик иных одаренных художников на Западе.

Советская литература по-новому решила

самый главный, самый трудный, самый проклятый вопрос, который был выдвигнут всем художественным развитием человечества. Она указала художникам мира путь, как соединить красоту искусства с правдой жизни. В этом смысле эстетика и художественная практика социалистического реализма — и начало новой эпохи в развитии мирового искусства и одновременно разрешение, итог мучительных исканий писателей разных поколений и стран.

Термин «социалистический реализм» давно уже приобрел широкие права гражданства в передовой зарубежной литературе и критике. Но уместно ли говорить об искусстве социалистического реализма в условиях господства буржуазного строя?

Горький не раз напоминал, что социалистический реализм может успешно развиваться лишь на почве социалистических отношений, когда желаемое, идеальное претворяется в живую действительность. И это на самом деле так. Зарубежные писатели лишены тех счастливых возможностей, которыми располагают писатели советской страны. Советские художники в состоянии показать положительного героя, носителя самой передовой всечеловеческой морали, не как исключительное, а как типическое явление. Они в состоянии передать поэзию освобожденного социалистического труда, охватывая трудовой народ, как подлинного хозяина жизни. Отсюда — новаторские качества советской литературы, которые не могут быть полностью перенесены в иные социальные условия.

И в то же время воздействие социалистического реализма решающим образом сказывается на передовом зарубежном искусстве. Совершенно естественно, что в нем обрывается картина мира несравненно менее светлая, нежели в искусстве советском. Но очень важно, что иностранные друзья советской литературы, следуя ее примеру, стремятся внести в изображение реальной жизни возвышенный, радостный элемент. Они стремятся дать оптимистический проблеск даже в произведениях с самым трагическим исходом. Они находят реальную красоту жизни в героике освободительной борьбы. Они находят элементы завтрашнего дня в сегодняшнем. Именно в этом смысле можно говорить о точках соприкосновения, чертах сходства между социалистическим реализмом советской литературы и тем демократическим реализмом нового типа, который возникает и развивается за рубежом.

Этот демократический реализм нового типа принципиально отличен не только от старого критического реализма, но и от старой революционной романтики. Ибо в нем мечта о будущем вырастает из трезвого предвидения будущего, имеет опору в самой действительности.

Такой способ изображения жизни в западном искусстве стал возможен не только благодаря примеру советских писателей, но и благодаря тем новым переживаниям, которые раскрыла перед человечеством Великая Октябрьская социалистическая революция, победоносное строительство социализма в Советском Союзе.

Именно советская революционная действительность помогла передовым писателям капиталистических стран поверить в силу простого человека. И это определило новый подход к демократическому и революционному творчеству в зарубежной литературе послеоктябрьского тридцатилетия.

Пожалуй, за всю многовековую историю мировой литературы на Западе не появлялось столько художественных произведений о жизни и классово-политической борьбе трудящихся, сколько появилось за последние тридцать лет. Именно Октябрьская революция, именно советская литература вдохновила западных писателей на создание книг, в которых острейшие социальные столкновения изображены с позиций народных масс. В таких различных книгах, как «Ясность» Барбюса и «Дети человеческого Матина» Анжелеса Нексе, «Затиски ширюльника» Джерметто и «Путь через февраль» Аныи Зегерс, отразилось то новое, что возникло в зарубежном искусстве под влиянием советской идеологии и культуры. Каждая из этих книг, резко полемизируя с человеконенавистнической, пессимистической «культурой» буржуазной реакции, всем строем своих образов утверждает, что стремление простых людей к свободе и счастью неодолимо.

Джимми Хиггинс, герой известного романа Энтони Синклера, озарен и согрет светом, пришедшим из далекой России. С громадным подъемом воспринимает он известие об Октябрьской революции. «Джимми был теперь на седьмом небе, анал, как в облаках. Наконец-то пролетарское правительство, впервые в истории! Правительство, состоящее из таких же людей, как и сам он!». Это событие вызывает переворот в душе Джимми Тихий, робкий «маленький человек» находит в себе силы для большого революционного подвига.

В сущности, это горьковский пафос. Горький первый в мировой литературе художественно воплотил мысль Маркса и Энгельса о духовном возвышении, «человеческом благородстве» встающего пролетария. Он первым в мировой литературе показал переход рабочего от стихимого недовольства к сознательному революционному протесту, внутреннему росту трудящегося, включенного в практику освободительной борьбы. Но только после Октябрьской революции эта горьковская тема стала достойным передового искусства всего мира.

Творчество революционных и демократических писателей Запада в послеоктябрьские тридцатилетия отразило в себе рост самосознания рабочего класса капиталистических стран, вызванный победами Советского Союза. Мировая литература в прошлом не раз показывала оскудение, омертвление молодого интеллигента, превращающегося в буржуазного зажиточника. Передовые западные писатели в послеоктябрьское время показали обратный процесс. Они показали, как их молодой герой обретает новый смысл жизни, отказываясь от служения господствующему классу (или от беспланового индивидуалистического бунта) и включаясь в освободительную борьбу пролетариата. Именно в революционной борьбе находят радость и красоту бытия столь различные герои западной литературы, как Марк Ривьер из «Очарованной души» Р. Роллана, Теодор Кич из «Растезанного Парюжа» Касу или Г. Гастль из «Прошания» И. Векера.

«Человек и народ... Судьба человеческая, судьба народная... Эти старье, поистине вечные темы мирового искусства заставляли по-новому благодаря историческому опыту советского народа и творческому опыту его художников.

Это особенно ярко проявилось в литературе периода второй мировой войны. Патристический пафос советских писателей, подьем их творческих сил в годы Отечественной войны еще раз показали всему миру, какие высокие моральные, духовные ценности способен создавать советский строй.

Закономерно, что в литературе почти всех стран, воевавших с гитлеровской Германией, самыми последовательными носителями патристических антифашистских идей оказались писатели, в той или иной мере духовно близкие советской литературе, искренние друзья Советского Союза. Это и не могло быть иначе. Именно советская литература дала писателям мира вдохновляющий пример служения родине. Именно она научила их не отделять литературного дела от народного.

И что особенно замечательно: лучшими, ведущими защитниками национальной независимости и суверенитета в литературах ряда стран Европы являлись писатели-коммунисты. Патристическая лирика Луи Арагона, «Слово перек казнь» Юлиана Фукича представляют вершины национальной, французской и чешской литературы последних лет. Свообразны жизненные и творческие пути каждого из этих художников. Но их объединяют некоторые общие черты. Каждый из них — любящий, преданный сын своей родины, лпитивший в себя лучшие национальные традиции. Каждый из них вместе с тем глубоко и органически усвоил опыт советской культуры. Именно это помогло им проявить свои дарования в полную силу, создать произведения общенациональной и вместе с тем всемирной значимости, книги, в которых с большой художественной силой воплощены передовые идеи эпохи.

Растет и будет расти воля трудового человечества к освобождению от капиталистического рабства. Растет и будет расти за рубежом подлинное народное искусство, способное противостоять идеологическому натиску черных сил империализма. Растет и будет расти оплодотворяющая животворящая сила советской литературы, которую справедливо назвал Горький «сильнейшей литературой мира».

А. РАСКИН

ДВУГЕРБЫЙ ОРЕЛ

По требованию Трумэна изменен рисунок орла на печати президента США. Рашье голова орла была повернута налево, по направлению к котам птицы, воинственно сжимающим пучок стрел. Ныне на печати Трумэна голова орла повернута направо, к котам, в которых мирно покоится пальмовая ветвь.

На печати президента Проживал орел. Бесполойного клиента Он обрел.

Посмотрел и багровел, И пошел кричать: — Почему орел левее? — ВыПравить печати!

Стрел убавить! И добавить Пальмовые ветви! Чтобы мне орла поПравить! Голо-зу пра-вей!

Раздуваем мы вилы ли? В мирном мы плыли! — Митом голозу свернули Этому орлу.

На глазах орел прает, Ветвь держа в перстах, И улыбка трюмнет На его устах.

Мирный герб у президента, Мирная печать, Но какие документы Стал он помещать?

В них войны хлокочет пламя, Кровь на них и жир... Не орлами, а делами Утверждают мир.

Не чета гермам пернатым, Герб иной, гряди: Справа — доллар, слева — атом, Трумэн посреди.

ПОЭМЫ НАВОИ

В связи с 500-летием со дня рождения классика узбекской литературы Алишера Навои Гослитиздат выпускает его «Пять поэм» в одном томе. Поэмы «Сматание праведных», «Лейли и Меджнун», «Фархад и Ширин», «Семь планет» и «Вал Искендер» будут даны в переводах С. Липкина, Л. Пенкеевского, В. Державина и М. Тарлового, под общей редакцией А. Делча и Л. Пенкеевского.

Одноименно открывается вступительной статьей Е. Бертельса о творчестве Навои. Поэмам будет предпослано предисловие действительного члена Академии наук Узбекской ССР Айбека «Навои и современность». В сборнике — 25 тысяч стихотворных строк.

Константин СИМОНОВ

«Превосходно и трогательно приходят и уходят»

Этот разговор не в защиту авторов и не ради укоризны театральным критикам, но для высказывания истины. Меня, как профессионального драматурга и как человека, ведающего репертуарную часть театра имени Ленинского комсомола, возмущала одна статья об одном спектакле и одной пьесе, статья, в которой, как мне кажется, с особой наглядностью проявились некоторые тенденции нашей театральной критики, враждебные и нашей драматургии, и правильным взаимоотношениям между драматургами и театрами.

Случай частный, но вопрос принципиальный. Пьеса братьев Тур и Шейнина — «Губернатор провинции». Спектакль театра имени Ленинского комсомола. Статья Дм. Михайлова в газете «Вечерняя Москва» за 18 октября его года.

Если вынести за скобки некоторые добрые слова автора статьи по адресу авторов пьесы, слова, которые, — прочитав всю статью, — можно обвешать только природной вежливостью и доброжелательностью, то суть статьи сводится к рассказу о том, как театр Ленинского комсомола сделал прекрасный спектакль из инкуда негодной пьесы.

Сначала несколько цитат из статьи.

О пьесе: Авторы «явно оказались в плену того извращенного материала, которому располагали. «Сюжет крайне рыхлый. «Фабула ела уловима. «В поведении большинства персонажей мы не ощущаем процесса борьбы».

«Люди приходят и уходят, потом опять приходят и опять уходят. И так до конца пьесы».

О спектакле: «В спектакле в целом нет ни одной плохо сыгранной роли. Это вообще редкое явление для любого театра... И. Березнев — полковник Кузьмин убеждает зрителя, что перед ним типично русский человек, честный, прямой, добросовестный, гуманный, полный сознания достоинства советского гражданина. Зритель испытывает и удовлетворение, и гордость за высокое достоинство наших людей, находящихся за пределами Родины».

Н. Соколов — сержант Егоркин «нашел очень точные и четкие интонации для образа простого русского крестьянского парня, природный ум, сметка и рассудительность которого заставляют отчетливо почувствовать превосходство советского гражданина над любым человеком капиталистического мира».

В Брагин — полковник Гилл «сообщает образ такую живизнность и правдивость, насыщает его чертами такой непосредственности, что зритель начинает искренне верить в отсутствие каких-либо неперодолимы препятствий к прочной дружбе двух великих народов».

«Сцена беседы двух сержантов — русского и украинца-американца — пожалуй, лучшая в спектакле. Сквозь призму народного юмора, лукавства, шуток ощущается большой политический смысл».

«Особенно волнует сцена, когда русский человек Никита Иванович Кузьмин должен объяснить немецкому школьнику, что такой Георгий Гейне».

«Осторожно, постепенно прибегая к тонким нюансам, показывает А. Вовся, как приходит Дитрих к убеждению в правоте советских людей и в подлости американских поджигателей войны».

Выводы: Театр «многое сделал для того, чтобы преодолеть, возместить, заполнить некоторые драматургические брешь произведений».

«В целом, при всех недостатках драматургического материала, благодаря мастерству постановщика, художника и всего актерского коллектива, спектакль звучит политически актуально, а в свете происходящих международных событий приобретает особую значительность и значительность».

Итак, с одной стороны, сюжет рыхл, фабула неуловима, в поступках нет борьбы, люди приходят и уходят, словом — брешь и недостаток. С другой стороны, честный, прямой, добросовестный, гуманный, полный сознания, природный ум, сметка, рассудительность, трогательно, глубоко, волнующие сцены, большой политический смысл и тонкие нюансы.

Когда сводить вилотную эти две категории оценок, то получается эффект почти комический.

Товарищи, что происходит? Может быть, мы попали в существовавший некогда в Москве театр «Семигранты», где актеры говорили не текст автора, а импровизировали собственный текст? Может быть, все те слова, которые так отличны, превосходно, непринужденно, трогательно произносят актеры, придумали они сами и авторы пьесы не имеют к этому никакого отношения? Может быть, волнующая сцена, когда русский человек Никита Иванович Кузьмин должен объяснить немецкому школьнику, что такой Георгий Гейне, — это сцена из другой пьесы, потому что в этой пьесе люди только приходят и уходят, потом опять приходят и потом опять уходят?

Впрочем, довольно. Я вытщал на свет божий эту историю не для того, чтобы

В декабре 1905 года у стен Московского университета сражались на баррикадах революционные рабочие. Отсюда в октябре 1917 года дружные красногвардейцы и революционные солдаты штурмовали Кремль. И вот теперь, в дни подготовки и тридцатилетия Великой Октябрьской социалистической революции, старые рабочие Красной Пресни решили побывать на местах боев, там, где они с оружием в руках боролись за победу советской власти. Представители старой рабочей гвардии, участники баррикадных боев посетили памятные места. На преобретенной Мясницкой площади, у здания капитально восстановленного университета им. Ломоносова отыгрались перед рабочими величественная панорама новой социалистической Москвы. На снимке: группа участников баррикадных боев (слева направо): в первом ряду — П. И. Старостин, М. С. Николов, Ф. И. Трубицын, В. А. Горюнов; во втором ряду — И. Г. Батышев, С. П. Симонов, А. И. Самарин и Н. В. Борисов. Фото В. Гергина

А. АДАЛИС

Творцы жизни

Все более конкретным, все менее ритуальным становится понятие двух миров. И если «человек от Гитто» близок и дорог нам, то человек «от Уола-стрит» не просто чужд, как враждебен, — он не воспринимается как существо одной с нами природы.

Эта глубокая пропасть — свидетельство того разрыва, который существует между сознанием человека, лично производящего несомненные, конкретные ценности, и человека, паразитирующего на чужом труде. Когда понятие «труд» освободилось у нас от прежних исконных определений — рабский, подневольный, черный, — когда труд стал свободным, творческим, особенно ясно стало, насколько личность трудящегося человека богаче, полнее, интересней личности потребителя.

Буржуазно-обыватель в массе своей дик, груб, примитивен, он доверчив ко всякой чепухе, невежествен, для него Херосес непосредственно соседствует с Афинами, а Ташкент — с Иркутском. Он переносит свои слезы, утробав в атомную рогатку своих воспитателей, в свое превосходство над гадкими мальчишками прочих национальностей.

Он все еще тупо повторяет: Россия страна обломовых, она еще так недавно была отсталой. Нет. Из всех легенд о нас самая живая — легенда о русской Лени. Русский «простой человек» всегда и прежде всего был беспримесным тружеником, мастером, борцом с природой. В наши дни, достигавшая исторической правды, восстанавливая истину, воздавая по заслугам давним преступителям и военачальникам, мы должны чаще вспоминать замечательных мастеров, изобретателей из народа, самоучек. Их было тысячи... От чудесных каменщиков, строителей, крепостных художников до тех, на чьих костях проложены наши старые дороги. От «подкованных блоху» до тружеников-солдат, выправивших многочисленные войны, которые подстать было выиграть лишь сказочным богатырям.

А история наших братских республик? Мы с интересом читаем об армянских вилках-перевалниках, о Саманидах... Но не рассказали еще ни о строителях удивительных мостов, ни о знаменитых ремесленниках бухарских базаров, ни о великих артистах земледельца — «вышивальщиках» и «гравергах» земли, о тех, кто веками боролся с несконными пустынями и с захватчиками — разрушителями культуры! Давно уже пора поведать об этом миру.

Книги, сочиненные в багнетях на картоне под слоновою костью, лунтаганские книги томных халашей отнюдь не отвращают своей «заумью» и «зыбкляностью» само от прозаического прощания, даже если он умеет только считать, а читать по-людски не умеет.

А самые общедоступные наши книги, написанные предельно просто и ясно, для него terra incognita.

Как может понять буржуа стихи Твардовского, «Молодую гвардию» Фадеева, «Спутников» Пановой или другие книги, созданные нашими писателями? Вот хотя бы «Звезда» Казакевича — автора молодого и раньше малоизвестного. Это — военная повесть. В ней рассказано о бессмертном молодом человеке и о его бессмертных товарищах. Вся группа разведчиков гибнет, отдав свою жизнь за свободу, независимость и честь Родины. Язык повести прост, светел и как-то особенно радостен, как просты и жизнеутверждающе действительны лица. Прекрасна и нова эта повесть тем, что, хотя в ней и рассказано о гибели замечательных советских людей, — все же здесь совершенно отсутствует некий участник, считающийся обязательным и необходимым для всех повестей «с печальным концом». Этот участник — смерть, вернее — страх смерти, чувство смерти. Советский писатель и его герои презирают это «действующее лицо».

А в это же время господствует смерть является главным героем всех современных — и даже не военных — романов и повестей буржуазной литературы — английской, французской, американской. Передовые писатели ищут о преодолении смерти в пистолете, Революционные — душат или утешают его читателя. От кровавого детектива до мистического слободушка — смерть всюду. Потребители этого рода литературы просто не в состоянии понять «Звезду». Пропавшая между их миром и миром этой книги непериметр.

Вот новые стихи Николая Тихонова. В них присутствует нечто страшное для обывателя-лишняка, нечто, присущее лишь носителю действительно высшего типа сознания. Это — искренняя, без ханжества, любовь человека к человеку, товарища к товарищу. Кровь, слезы, улыбка брата и сестры — все достигает самых глубин души поэта, затрагивает интимнейшие ее струны...

Но дух подлинной человеческой любви чужд лицеващелу негров. Не только чужд, — гибелен, как атмосфера иной планеты. От «Счастья» П. Павленко до «Белой березы» молодого автора М. Бубенинова — лучшие книги нашего сегодня написаны на языке, непередаваемом на язык гангстерских холопов, фаншствующих лакеев доллара.

Что является той характерной чертой, общей решительно для всех произведений советской литературы, которая, на мой взгляд, отличает все наши книги, которая делает даже среднее наше произведение выше «шедевров» сегодняшних корифеев буржуазной литературы?

Это — оптимизм советской литературы. Оптимизм — слово, любимое в Америке. Оптимистами охотно называют себя «неунывающие янки».

Розовое, упитанное лицо, отменный аппетит, обнадеживающая манера изречь прописные истины, добротуное похлопывание по плечу. Вера в то, что твой бизнес удастся. «Все к лучшему в этом лучшем из миров».

Вспомните кадры нашей киноленты военных лет с мистером Эриком Джонстоном, путешествовавшим по Сибири без шланга, с веселой улыбкой произносившим восхищенные речи на аэродромах. Это клас-

сический образ бодриля. Добродушный «оптимизм» давно изменил мистеру Джонстону, освободив место жалкому безумию ненависти ко всему советскому и страху перед неуловимым ходом истории...

Советский оптимизм — яной. Наша страна, жестоко пострадавшая от извержения врагов, лучшая из стран потому, что в ней — исток новой истории человечества.

Убить наш оптимизм невозможно. Много писалось и говорилось у нас о «Спутниках» Веры Пановой. Но мне хочется отметить в этой книге кое-что, заслуживающее, по-моему, особого внимания.

Трудно вспомнить каких-либо книжных героев, которые были бы столь определенно «средними», «невеличкими», как персонажи «Спутников». И ко всему этому, жизнь каждого из них складывается из рук во плохое, с точки зрения личной удачи. Что стоит судьба Юлии Дмитриевны!.. Перед нами — та горькая и смешная трагикомедия стародетства, которая стала классической в английской бытовой литературе... А жизнь врача Белова? Он терпел все, что согревало его и светило ему на земле...

И вот эти обыкновенные люди раскрываются в такой честной и гордой красоте, что подстать самому замечательному герою. Но суть не только в этом. Они вырастают, высвобождаются из нестесней.

То прекрасное и светлое состояние, то ощущение твердости на земле и открытости в действиях, которое и есть счастье, приходит к этим людям, чтобы уже не покидать их. Это счастье творцов жизни, не подвластное личным удачам и неудачам. Экстаз жертвенности, самопожертвования — высшее, на что могла подняться старая литература в области рассуждений о «счастье» и «несчастье». Не только рядовые мейрабонтиски Пановой, могодогарей Фадеева, полковник-инвалид Воропаев из романа Павленко, но и лирические герои десятков и сотен стихов наших молодых поэтов — все они, в большей или меньшей степени, нашли заветный «камень счастья». В этом — беспредельная новизна советской литературы, коренное и решительное ее отличие от литературы собственного мира.

Это произошло в мае 1946 года в Бухаресте, в один из последних дней суда над Антонеску.

На заседании допрос свидетелей. Начальник отдела, покритым темным умом, сидел в кресле. Прямо перед ним стояла статуйка с распятием Христа.

К столу подошел свидетель и поклонился. Он повторил вслух за судьей традиционные слова присяги, осеняя свою чалую гравью косым католическим крестом, трюнул дрожжащими губами распятие и начал давать показания.

Когда возникло ропот и гневное «май тарел» («громче») проносилось по залу, он еще ниже опустил свой без того выцветшие плечи и, ожидая, пока зрители председателя суда справятся с возмущением, улыбаясь и гримасничая, обрассал взгляд на подсудимых.

Когда возникло ропот и гневное «май тарел» («громче») проносилось по залу, он еще ниже опустил свой без того выцветшие плечи и, ожидая, пока зрители председателя суда справятся с возмущением, улыбаясь и гримасничая, обрассал взгляд на подсудимых.

Он отказался подписать показания тотчас же и, явившись на другой день в суд, церемонно устроился за небольшим столиком, стоявшим между подсудимыми и залом.

Судя по тому, с каким трудом свидетель подсовывал каждый новый лист, он был недоумен своим вчерашним поведением на суде. Все чаще отстранял он от себя бумаги, и тяжелый вздох слышался в зале.

И вот когда, наконец, все листы были подписаны и человек в сортуке протянул их судье, намереваясь покинуть зал, произошло то, чему назавтра все бухарестские газеты посвятили первые полосы.

Жос Ману! — Долой Ману! Пока человек в черном сортуке, защищенный телохранителями, опасно пробирался к выходу, оставаясь время от времени и настойчиво оглядываясь по сторонам, возмущенный зал неистовствовал: — Жос Ману! Жос...

На другой день бухарестская пресса посвятила этому проступку первые полосы. «Ману демонстративно поклялся Кур Антонеску», — гласила англа. Эта весть облетела всю страну и вызвала в народе бурю негодования.

II. Кто представлял собой этот человек?

Юлиу Ману родился семидесят четыре года назад в католической семье. Он окончил начальную школу в небольшом трансильванском городе Блаже. Семья Ману была близка к ватиканским миссионерам, превратившим Блаж в центр своей деятельности. Они-то и оказали решающее влияние на молодого Ману.

В отличие от ровесников, которым не были чужды увлечения юности, Ману рос аскетом и седибелем. «Он страшился посягнуть на что-либо из божия разочарования в себе», — говорили о нем его сверстники.

И, действительно, он рано поврал с одноклассниками, ушел к миссионерам, углубился в чтение католической литературы, отдал немало времени изучению истории главных монашеских орденов. Его особенно увлекали иезуиты. Образ главы ордена, великого Игнатия Лойолы, владел его воображением.

Это было знаменательное время — конец прошлого столетия. Из Молдавии шли тревожные вести: там занималась огом первых крестьянских бунтов. Ману и его ватиканские сподвижники не без тревоги обращали свои взоры туда.

Именно эта идея — обратиться румынский народ в католичество и таким образом оторвать его от славянского мира — во многом определила характер будущей профессии Ману.

Именно эта идея — обратиться румынский народ в католичество и таким образом оторвать его от славянского мира — во многом определила характер будущей профессии Ману. Он решил стать адвокатом по церковным делам. Ватиканские друзья Ману одобрили его решение. Они излагали Ману план превращения Румынии в романское государство, как далеко выдвинувшийся утес западного мира в безбрежном море славянских народов. Ману увлекла эта перспектива.

III. Даже в те времена Ману был достаточно искусственным политиком и поэтому понимал, что в современном буржуазном мире столь смелые цели не реализуются с помощью одной лишь церкви.

Но Ману был последователем в защите Габургов. Незадолго до развала Австро-Венгрии, когда освобождение Трансильвании было, в сущности, только вопросом времени и в Старом Королевстве уже справляли праздники воссоединения, Ману метался из одного конца империи Габургов в другой, убеждая своих единомышленников:

— Ничто не может поколебать нашей веры в то, что интересы будущей Румынии требуют от свершения Габургов, а укрепления их.

Но Ману не в силах был остановить стремительный ход событий — империя рухнула. Судьба его надвигалась над ним: с воссоединения Трансильвании Ману должен был стать гражданином той самой «полузакатской» Румынии, которую он так презирал и боялся.

IV. Между тем в Румынию вошли англичане. Как победители в первой мировой войне, они старались извлечь из этой победы пользу.

В Румынии были нефть, металл, лес. Они нажали руку на все это добро. Чтобы не сорваться с французскими союзниками, они произвели раздел добычи на «равных» началах: одну треть отдали французам, две трети взяли себе.

Их первым резидентом сделался Барбу Штирбей. Он импортировал англичан даже веновностью: был по-английски сухаром и долговяз, носил маленькие английские ушки и акkuratные подубаки и до последних дней своей жизни шил костюмы из манчестерской шерсти.

Когда англичане вошли в страну и стали «осваивать» румынскую нефть, Штирбей оказал им крупные услуги. Англичане ответили взаимностью: в руки Штирбея постепенно попала вся пищевая промышленность страны.

Штирбей открыл англичанам ворота в Плоешти. В знак признательности он был назначен премьер-министром. Штирбей приобрел крупный пакет акций фирмы Виккерс и выдал дочь замуж за одного из акционеров этой фирмы.

Всем этим Штирбей обеспечил себе необычайно прочное положение в правительстве и при дворе и, в сущности, определял пути военной политики Румынии на первое десятилетие после войны.

Неожиданное событие заставило Штирбея обратиться к Ману: в Молдавии назрело очередное крестьянское восстание. В прежние времена при такого рода обстоятельствах поступали «просто»: премьер вызывал генерала Авереску и приказывал подавить восстание силой.

Прежде восстание произошло всего лишь добру румынских бояр, а теперь в стране находилась и английская каптал. Для Штирбея это было не одно и то же. Он решил: чтобы гарантировать себя от неожиданностей, восстание надо обезглавить до того, как оно разразится.

Эту задачу с помощью одной артиллерии не решить. Она была явно не по плечу Авереску. Здесь нужны были другие средства и другой человек. Речь шла о создании крестьянской партии, способной проникнуть в румынскую деревню и сломить волю крестьян к борьбе.

Кто же мог возглавить партию? Было названо имя Ману. Многим в Румынии такой выбор показался странным: Ману никогда не жил в деревне и не знал ее. Единственное, что связывало его с крестьянством, — это родовое имение отца, в котором функцию Ману, в сущности, ограничивались обязанностями барина, исправно собирающего подати через управляющих.

Однако Ману были еще и другие качества: он лучше многих румынских политиков владел искусством демагогии и значительно более непринимно, чем остальные, относился к тому, что возникло в эти годы на Востоке под грозным именем «русской революции».

Все это оказалось решающим. Ману не без робости принял на себя новые обязанности. Положение вожака «крестьянской» партии обязывало Ману показываться среди крестьян, беседовать с ними. Но как мог появиться в крестьянской среде и тем более говорить с крестьянами человек, который всем своим обликом олицетворял барина?

Потеряв надежду найти нужного человека в своей среде, Ману начал искать «на стороне» и обнаружил Михаллаке. Ион Михаллаке, бесспорно, — одна из наиболее колоритных фигур среди сподвижников Ману. Низкорослый и большеухий, он был постоянно угрюм и диковат. «Странный человек», — сказал о нем однажды один румынский политический деятель.

Он весь в плену звериных повадок своей среды: свиньи камень на меже его поля — он не моргнув, раскрит тебе череп».

Штирбей был прав, рассчитывая на Ману. Царанты укрепили свое положение в стране: в 1926 году они завоевали треть мест в парламенте, а тремя годами позже овладели парламентским большинством.

И вновь, как на заре своей деятельности, Ману обратил взор к Ватикану, и в страну жадной толпой хлынули миссионеры. И вновь зазвучали их голоса об исторической миссии Румынии, призванной стать «кутесом западного мира» на Востоке.

Вся эта кампания достигла апогея в 1929 году, когда глава румынской церкви заключил конкордат с Ватиканом, знаменующий собой, как думали ватиканские друзья Ману, первую веку на пути приобщения румынской церкви к католицизму.

И вот, когда, казалось, Румыния стояла на пути «католического обновления», произошло событие, заставившее Ману врасплох: вначале на рудниках в Лупены, потом на рабочей окраине Бухареста — Гривнице вспыхнули стачки, принявшие размеры восстания. Для Ману это было ударом: пока он идейно разрушал крестьянство, в стране народилась новая сила, более стойкая, зрелая и прозорливая. Ману не мог не видеть, как возникла эта сила. Он старался предотвратить ее возникновение и бросил в каменный мешок Дофтань на одну стачку рабочих. Он не думал все же, что эта сила так грозна, что она так быстро и так мощно проявит себя.

Стачки подавили по методу генерала Авереску: огнем. Выше двухсот своих товарищей похоронили в той же Лупены и Гривнице. Но страна продолжала роптать. Ману не был готов к борьбе и выбросил красный флаг. Да, он выбросил красный флаг! В Бухаресте до сих пор помнят, как в дни мощных манифестаций этот человек стоял на трибуне, опасливо приподняв чуть выше плеча кулак.

Ману не любил Бухареста, считая его столицей «византийской Румынии». После Гривниц этот город стал ему ненавистен. Он приезжал сюда лишь на несколько дней и спешил вернуться в Трансильванию. С некоторого времени он перенес свою резиденцию в полунемецкий город Сибу в Северной Трансильвании. Ему вообще стали импортировать немцы. Его друзья со Штирбейем кончались, едва англичане стали утрачивать влияние в Румынии. Теперь Ману окружали немцы. Кстати, в Сибу за ним не надо было далеко идти: город был населен сассами (трансильванскими немцами). Собеседниками Ману были сассы и их румынские друзья: Вайда-Войвода, Куза, Кодрену.

Но о чем бы ни говорил Ману, видение Гривниц не покидало его. И если царанты до известной степени идейно сковаляли крестьянство, то рабочий класс все решительнее шел за коммунистами.

Ману понял: нужна организация, которая обезоружит рабочих, подобно тому, как царанты, по его мнению, обезоружили крестьян.

В Румынии существует мнение: фашистская «железная гвардия» была основана в Сибу.

Ману говорил, имея в виду Кодрену: «Он, подобно мне, борется за идеалы нации». Кодрену заявлял, обращаясь к железнопоставщикам: «Когда меня не будет с вами, слушайте советы Ману. Мое решение имеет силу завещания».

Казалось, Ману мог быть спокоен: в рабочих кварталах свирепствовала «железная гвардия», в деревнях — царанты.

Свою старую формулу: «Румыния — форпост западного мира на Востоке» он модернизировал: «Пассивная политика не может остановить на границах Румынии коммунистический натиск», — утверждал он. — Румыния — это острый меч, всегда готовый и способный отсечь старому континенту».

Весть о вторжении румынских армий в пределы советской земли была воспринята Ману, как осуществление самых заветных его стремлений. Ману не видел военного мундира, но зато он охотно санкционировал добровольное вступление в армию своего близкого сподвижника Иона Михаллаке. Когда же возник вопрос о создании «правительства» Антонеску, Ману направил в состав правительства целую группу царантов, потребовав при этом, чтобы Антонеску «иродолжал управлять страной и чтобы никто не становился на его пути».

VI. Сталинград, в поздне Корсунь обратили Ману в трепет: Красная Армия двинулась к румынской границе. Ману стал поспешно «осваивать» старые связи с бывшими английскими резидентами в Румынии. В его ставку прибыл Барбу Штирбей. Он был обласкан, посажен в самолет и срочно направлен в Канр для встречи с представителями Черчилля.

Штирбей исправило повторил в Канре все то, что ему сказали в Сибу: «Румыны готовы открыть ворота союзникам, но в страну должны войти не русские, а англо-американцы».

Как известно, желание Ману соответствовало стремлению Черчилля. Но Черчилль был бесслен сделать что-либо: на подступах к Румынии уже стояли советские войска. И Ману сам попытался «спасти положение».

Сталинград, в поздне Корсунь обратили Ману в трепет: Красная Армия двинулась к румынской границе. Ману стал поспешно «осваивать» старые связи с бывшими английскими резидентами в Румынии. В его ставку прибыл Барбу Штирбей. Он был обласкан, посажен в самолет и срочно направлен в Канр для встречи с представителями Черчилля.

Штирбей исправило повторил в Канре все то, что ему сказали в Сибу: «Румыны готовы открыть ворота союзникам, но в страну должны войти не русские, а англо-американцы».

Как известно, желание Ману соответствовало стремлению Черчилля. Но Черчилль был бесслен сделать что-либо: на подступах к Румынии уже стояли советские войска. И Ману сам попытался «спасти положение».

Сталинград, в поздне Корсунь обратили Ману в трепет: Красная Армия двинулась к румынской границе. Ману стал поспешно «осваивать» старые связи с бывшими английскими резидентами в Румынии. В его ставку прибыл Барбу Штирбей. Он был обласкан, посажен в самолет и срочно направлен в Канр для встречи с представителями Черчилля.

Штирбей исправило повторил в Канре все то, что ему сказали в Сибу: «Румыны готовы открыть ворота союзникам, но в страну должны войти не русские, а англо-американцы».

Как известно, желание Ману соответствовало стремлению Черчилля. Но Черчилль был бесслен сделать что-либо: на подступах к Румынии уже стояли советские войска. И Ману сам попытался «спасти положение».

Сталинград, в поздне Корсунь обратили Ману в трепет: Красная Армия двинулась к румынской границе. Ману стал поспешно «осваивать» старые связи с бывшими английскими резидентами в Румынии. В его ставку прибыл Барбу Штирбей. Он был обласкан, посажен в самолет и срочно направлен в Канр для встречи с представителями Черчилля.

Штирбей исправило повторил в Канре все то, что ему сказали в Сибу: «Румыны готовы открыть ворота союзникам, но в страну должны войти не русские, а англо-американцы».

Как известно, желание Ману соответствовало стремлению Черчилля. Но Черчилль был бесслен сделать что-либо: на подступах к Румынии уже стояли советские войска. И Ману сам попытался «спасти положение».

Сталинград, в поздне Корсунь обратили Ману в трепет: Красная Армия двинулась к румынской границе. Ману стал поспешно «осваивать» старые связи с бывшими английскими резидентами в Румынии. В его ставку прибыл Барбу Штирбей. Он был обласкан, посажен в самолет и срочно направлен в Канр для встречи с представителями Черчилля.

Штирбей исправило повторил в Канре все то, что ему сказали в Сибу: «Румыны готовы открыть ворота союзникам, но в страну должны войти не русские, а англо-американцы».

Как известно, желание Ману соответствовало стремлению Черчилля. Но Черчилль был бесслен сделать что-либо: на подступах к Румынии уже стояли советские войска. И Ману сам попытался «спасти положение».

Сталинград, в поздне Корсунь обратили Ману в трепет: Красная Армия двинулась к румынской границе. Ману стал поспешно «осваивать» старые связи с бывшими английскими резидентами в Румынии. В его ставку прибыл Барбу Штирбей. Он был обласкан, посажен в самолет и срочно направлен в Канр для встречи с представителями Черчилля.

Штирбей исправило повторил в Канре все то, что ему сказали в Сибу: «Румыны готовы открыть ворота союзникам, но в страну должны войти не русские, а англо-американцы».

Как известно, желание Ману соответствовало стремлению Черчилля. Но Черчилль был бесслен сделать что-либо: на подступах к Румынии уже стояли советские войска. И Ману сам попытался «спасти положение».

Сталинград, в поздне Корсунь обратили Ману в трепет: Красная Армия двинулась к румынской границе. Ману стал поспешно «осваивать» старые связи с бывшими английскими резидентами в Румынии. В его ставку прибыл Барбу Штирбей. Он был обласкан, посажен в самолет и срочно направлен в Канр для встречи с представителями Черчилля.

Штирбей исправило повторил в Канре все то, что ему сказали в Сибу: «Румыны готовы открыть ворота союзникам, но в страну должны войти не русские, а англо-американцы».

Как известно, желание Ману соответствовало стремлению Черчилля. Но Черчилль был бесслен сделать что-либо: на подступах к Румынии уже стояли советские войска. И Ману сам попытался «спасти положение».

Сталинград, в поздне Корсунь обратили Ману в трепет: Красная Армия двинулась к румынской границе. Ману стал поспешно «осваивать» старые связи с бывшими английскими резидентами в Румынии. В его ставку прибыл Барбу Штирбей. Он был обласкан, посажен в самолет и срочно направлен в Канр для встречи с представителями Черчилля.

Штирбей исправило повторил в Канре все то, что ему сказали в Сибу: «Румыны готовы открыть ворота союзникам, но в страну должны войти не русские, а англо-американцы».

Как известно, желание Ману соответствовало стремлению Черчилля. Но Черчилль был бесслен сделать что-либо: на подступах к Румынии уже стояли советские войска. И Ману сам попытался «спасти положение».

Сталинград, в поздне Корсунь обратили Ману в трепет: Красная Армия двинулась к румынской границе. Ману стал поспешно «осваивать» старые связи с бывшими английскими резидентами в Румынии. В его ставку прибыл Барбу Штирбей. Он был обласкан, посажен в самолет и срочно направлен в Канр для встречи с представителями Черчилля.

Штирбей исправило повторил в Канре все то, что ему сказали в Сибу: «Румыны готовы открыть ворота союзникам, но в страну должны войти не русские, а англо-американцы».

Как известно, желание Ману соответствовало стремлению Черчилля. Но Черчилль был бесслен сделать что-либо: на подступах к Румынии уже стояли советские войска. И Ману сам попытался «спасти положение».

Сталинград, в поздне Корсунь обратили Ману в трепет: Красная Армия двинулась к румынской границе. Ману стал поспешно «осваивать» старые связи с бывшими английскими резидентами в Румынии. В его ставку прибыл Барбу Штирбей. Он был обласкан, посажен в самолет и срочно направлен в Канр для встречи с представителями Черчилля.

Штирбей исправило повторил в Канре все то, что ему сказали в Сибу: «Румыны готовы открыть ворота союзникам, но в страну должны войти не русские, а англо-американцы».

Как известно, желание Ману соответствовало стремлению Черчилля. Но Черчилль был бесслен сделать что-либо: на подступах к Румынии уже стояли советские войска. И Ману сам попытался «спасти положение».

Сталинград, в поздне Корсунь обратили Ману в трепет: Красная Армия двинулась к румынской границе. Ману стал поспешно «осваивать» старые связи с бывшими английскими резидентами в Румынии. В его ставку прибыл Барбу Штирбей. Он был обласкан, посажен в самолет и срочно направлен в Канр для встречи с представителями Черчилля.

Штирбей исправило повторил в Канре все то, что ему сказали в Сибу: «Румыны готовы открыть ворота союзникам, но в страну должны войти не русские, а англо-американцы».

Как известно, желание Ману соответствовало стремлению Черчилля. Но Черчилль был бесслен сделать что-либо: на подступах к Румынии уже стояли советские войска. И Ману сам попытался «спасти положение».

Сталинград, в поздне Корсунь обратили Ману в трепет: Красная Армия двинулась к румынской границе. Ману стал поспешно «осваивать» старые связи с бывшими английскими резидентами в Румынии. В его ставку прибыл Барбу Штирбей. Он был обласкан, посажен в самолет и срочно направлен в Канр для встречи с представителями Черчилля.

«ИДОПОКЛОННИКИ ИЗ ДОМА АВИАЦИИ»

Исполнительный обязанности председателя Центрального совета Союза Осоевнихаи СССР полковник т. Абрамов сообщает, что статья «Идопоклонники из Дома авиации», напечатанная в «Литературной газете» № 42 от 1 октября с. г., была опубликована на расширенном заседании президиума Центрального совета.

Президиум Совета считает критику правильной. Создана специальная комиссия для разработки плана новой экспозиции музея.

«ИДОПОКЛОННИКИ ИЗ ДОМА АВИАЦИИ»

Исполнительный обязанности председателя Центрального совета Союза Осоевнихаи СССР полковник т. Абрамов сообщает, что статья «Идопоклонники из Дома авиации», напечатанная в «Литературной газете» № 42 от 1 октября с. г., была опубликована на расширенном заседании президиума Центрального совета.

Президиум Совета считает критику правильной. Создана специальная комиссия для разработки плана новой экспозиции музея.

«ИДОПОКЛОННИКИ ИЗ ДОМА АВИАЦИИ»

Исполнительный обязанности председателя Центрального совета Союза Осоевнихаи СССР полковник т. Абрамов сообщает, что статья «Идопоклонники из Дома авиации», напечатанная в «Литературной газете» № 42 от 1 октября с. г., была опубликована на расширенном заседании президиума Центрального совета.

Президиум Совета считает критику правильной. Создана специальная комиссия для разработки плана новой экспозиции музея.

«ИДОПОКЛОННИКИ ИЗ ДОМА АВИАЦИИ»

Исполнительный обязанности председателя Центрального совета Союза Осоевнихаи СССР полковник т. Абрамов сообщает, что статья «Идопоклонники из Дома авиации», напечатанная в «Литературной газете» № 42 от 1 октября с. г., была опубликована на расширенном заседании президиума Центрального совета.

Президиум Совета считает критику правильной. Создана специальная комиссия для разработки плана новой экспозиции музея.

«ИДОПОКЛОННИКИ ИЗ ДОМА АВИАЦИИ»

Исполнительный обязанности председателя Центрального совета Союза Осоевнихаи СССР полковник т. Абрамов сообщает, что статья «Идопоклонники из Дома авиации», напечатанная в «Литературной газете» № 42 от 1 октября с. г., была опубликована на расширенном заседании президиума Центрального совета.

Президиум Совета считает критику правильной. Создана специальная комиссия для разработки плана новой экспозиции музея.

«ИДОПОКЛОННИКИ ИЗ ДОМА АВИАЦИИ»

Исполнительный обязанности председателя Центрального совета Союза Осоевнихаи СССР полковник т. Абрамов сообщает, что статья «Идопоклонники из Дома авиации», напечатанная в «Литературной газете» № 42 от 1 октября с. г., была опубликована на расширенном заседании президиума Центрального совета.

Президиум Совета считает критику правильной. Создана специальная комиссия для разработки плана новой экспозиции музея.

«ИДОПОКЛОННИКИ ИЗ ДОМА АВИАЦИИ»

Исполнительный обязанности председателя Центрального совета Союза Осоевнихаи СССР полковник т. Абрамов сообщает, что статья «Идопоклонники из Дома авиации», напечатанная в «Литературной газете» № 42 от 1 октября с. г., была опубликована на расширенном заседании президиума Центрального совета.

Президиум Совета считает критику правильной. Создана специальная комиссия для разработки плана новой экспозиции музея.

«ИДОПОКЛОННИКИ ИЗ ДОМА АВИАЦИИ»

Исполнительный обязанности председателя Центрального совета Союза Осоевнихаи СССР полковник т. Абрамов сообщает, что статья «Идопоклонники из Дома авиации», напечатанная в «Литературной газете» № 42 от 1 октября с. г., была опубликована на расширенном заседании президиума Центрального совета.

Президиум Совета считает критику правильной. Создана специальная комиссия для разработки плана новой экспозиции музея.

«ИДОПОКЛОННИКИ ИЗ ДОМА АВИАЦИИ»

Исполнительный обязанности председателя Центрального совета Союза Осоевнихаи СССР полковник т. Абрамов сообщает, что статья «Идопоклонники из Дома авиации», напечатанная в «Литературной газете» № 42 от 1 октября с. г., была опубликована на расширенном заседании президиума Центрального совета.

Президиум Совета считает критику правильной. Создана специальная комиссия для разработки плана новой экспозиции музея.

«ИДОПОКЛОННИКИ ИЗ ДОМА АВИАЦИИ»

Исполнительный обязанности председателя Центрального совета Союза Осоевнихаи СССР полковник т. Абрамов сообщает, что статья «Идопоклонники из Дома авиации», напечатанная в «Литературной газете» № 42 от 1 октября с. г., была опубликована на расширенном заседании президиума Центрального совета.

Президиум Совета считает критику правильной. Создана специальная комиссия для разработки плана новой экспозиции музея.

«ИДОПОКЛОННИКИ ИЗ ДОМА АВИАЦИИ»

Исполнительный обязанности председателя Центрального совета Союза Осоевнихаи СССР полковник т. Абрамов сообщает, что статья «Идопоклонники из Дома авиации», напечатанная в «Литературной газете» № 42 от 1 октября с. г., была опубликована на расширенном заседании президиума Центрального совета.

Президиум Совета считает критику правильной. Создана специальная комиссия для разработки плана новой экспозиции музея.

Рисунок третий: «Вид с пятъ-го этажа».

Стервятник — спекулянт земельными участками — предакушет обильную наживу на восстановлении разрушенных немецкими воздушными бомбардировками городов.

Вряд ли к этим карикатурам, число которых можно было бы умножить, требуются комментарии. Рисунок эти говорят о несомненном таланте художника Викки, ярко характеризуют остроумно и социально направленность его сатирического мастерства. И эти, наиболее выразительные работы художника не нашли себе места в многотысячном тираже «либеральной» «Ньюс кроникл», а отпечатаны тощей тетрадкой в незначительном количестве экземпляров. (К слову сказать, Викки — уроженец Венгрии — эмигрировал в свое время в Англию, спасаясь от преследований гитлеровцев).

На обложке альбома Викки изображен самого себя в момент изгнания его из кабинета редактора с очередным неприятным рисунком подмышкой. На этом рисунке нетрудно разглядеть черты господина Бевина.

Борис ЕФИМОВ.

М. ПРИШВИН

Золотой портсигар

РАЗГОВОР

Работа была совсем маленькая: вставить разбитое стекло на веранде. Стекло у меня было свое. Саша раздобыл алмаз и вставил.

— Это не работа, — сказал он, — я ничего не возьму.

— В таком случае, — ответил я, — давай, выйдем по рюмочке.

— Это можно, и не секрет: я люблю. Стакан я ему алмаз породающий, он вынул и сразу же захмелел. Тут и начался наш русский разговор, волнистый, круглыми, с заключающей каждый круг личной прорисовкой вроде «жс либрис» собирателя книг.

— Это не секрет! — говорил Саша. — Ясно! — отвечал я ему.

И пошло, и пошло... — Это не секрет, — начал он, — у меня нет ни папаша, ни мамаша.

— Ясно! Только, Саша, скажи, как это вышло у тебя, что стаял ты хороший, ружья у тебя золотые, и не пьяница, и не мот, а как-то все ты ходишь, вроде как бездомной какой?

— Да вот, друг мой, немцы дом мой сожгли в Старой Рузе, папаша и мамаша погибли, с фронта пришел — ничего с собой не принес, а тут вскоре женился, к теще вошел в дом, и никак еще не могу подняться. Не могу пока, это не секрет!